

Анархизм и анархо-синдикализм

Рудольф Роккер

1973

Оглавление

Идеология анархизма	3
История анархистской философии от Лао-Цзы до Кропоткина	10
Истоки анархо-синдикализма	15
Социализм и анархо-синдикализм во Франции	17
Роль профсоюзов: анархо-синдикалистский взгляд	19
Борьба в Германии и Испании	22
Политическая борьба: анархо-синдикалистский взгляд	23
Анархо-синдикализм после Первой мировой войны	26

Идеология анархизма

Анархизм – это определенное интеллектуальное течение социальной мысли, чьи сторонники пропагандируют отмену экономических монополий и всех политических и социальных институтов принуждения. Вместо капиталистического экономического порядка анархисты хотят создать свободную ассоциацию всех производительных сил, основанную на совместном труде, который бы имел своей единственной целью удовлетворение необходимых потребностей каждого члена общества. Вместо современных национальных государств с нежизнеспособным механизмом политических и бюрократических институтов, анархисты желают создать конфедерацию свободных коммун которые будут связаны единством экономических и социальных интересов и будут строить свои отношения на основе взаимного соглашения и свободного договора.

Любой, кто глубоко изучает экономическое и политическое развитие современной социальной системы понимает, что эти характеристики возникают не из утопических идей нескольких расфантазировавшихся новаторов, а являются логическим исходом существующих социальных несоответствий, которые с каждой новой фазой сегодняшних социальных условий, заявляют о самих себе все более отчетливо и более нездорово. Современный монополистический капитализм и тоталитарное государство являются всего-навсего последней стадией развития, которая никак не могла бы полностью проявить себя как-либо иначе.

Зловещее развитие нашей современной экономической системы, ведущее к значительному накоплению социальных благ в руках привилегированного меньшинства и к постоянным репрессиям огромных масс людей, подготовило дорогу для существующей политической и социальной реакции и связало их во всех смыслах. Оно пожертвовало общими интересами человеческого общества ради личных интересов отдельных людей, и таким образом систематически подтачивало отношения между людьми. Люди забыли, что промышленность не является самоцелью, а должна быть всего лишь средством обеспечения материального существования и сделать доступными ему блага высшей интеллектуальной культуры. Где промышленность является всем, где труд теряет свою этическую важность и человек становится ничем, там проявляется истинный ужас экономического деспотизма, чьи плоды не менее страшны плодов политического деспотизма. Оба взаимно дополняют друг друга, и подпитываются из одного источника.

Наша современная социальная система расколола изнутри социальный организм каждой страны на враждебные классы, а снаружи разбила общий культурный круг на национальности; и классы и нации противостоят друг другу с открытым антагонизмом, и их постоянные битвы сотрясают совместную социальную жизнь непрерывающимися конвульсиями. Две мировые войны за столетия и их ужасные последствия, и постоянная угроза новых войн, которая сегодня возвышается над всеми народами, являются только логическими последствиями этого невыносимого состояния, которое может лишь привести к дальнейшим вселенским катастрофам. Тот факт, что большинство государств обязаны сегодня тратить большую часть ежегодного дохода на так называемую национальную оборону и ликвидацию старых военных долгов является доказательством несостоятельности современного

состояния; это должно ясно дать всем понять, что предполагаемая защита, которую государство предоставляет человеку, конечно, приобретена слишком дорого.

Все возрастающая власть бездушной политической бюрократии, которая надзирает и охраняет жизнь человека от колыбели и до могилы порождает все более серьезные препятствия на пути сотрудничества между людьми. Система, которая каждым своим действием жертвует благосостоянием больших масс людей, целых наций ради эгоистичного стремления к власти и экономических интересов небольшого меньшинства должна обязательно разорвать все социальные связи и привести к постоянной борьбе всех против всех. Эта система привела к величайшей интеллектуальной и социальной реакции, которая нашла свое выражение в современном фашизме и идеи тоталитарного государства, далеко превосходя одержимость властью абсолютной монархии прошлых веков и стремясь принести каждую сферу человеческой жизни под контроль государства. «Все для государства, все в государстве, ничего вне государства!» стало лейтмотивом новой политической теологии, которая является вариацией системы церковного богословия, для которой Бог есть все, а человек есть ничто, так что современное политическое кредо гласит, что государство все, а гражданин ничто. Так же как и слова «воля Божья» служили для оправдания воли привилегированных каст, также сегодня за волей государства скрываются эгоистичные интересы тех, кто считает себя призванным интерпретировать эту волю в своем собственном смысле и принуждать к ней других людей.

В современном анархизме мы имеем слияние двух великих течений, которые ранее и начиная с Французской революции нашли свое характерное выражение в интеллектуальной жизни Европы: социализм и либерализм. Современный социализм развивался, когда выдающиеся наблюдатели социальной жизни пришли к все более и более глубокому пониманию того, что политические конституции и изменения формы правления никогда не смогут дойти до корня величайшей проблемы, которой мы называем социальный вопрос. Его сторонники признали, что выравнивание социальных и экономических условий ради блага всех, несмотря на прекрасные теоретические предположения, не представляется возможным до тех пор, пока люди разделены на классы на основании их владения или невладения собственностью, классы, само существование которых исключает заранее любую мысль о подлинном обществе. И таким образом развилось убеждение, что только путем ликвидации экономических монополий и совместным владения средствами производства, условие социальной справедливости становится реальным, состояние, в котором общество должно стать реальным сообществом, и человеческий труд более не будет служить целям эксплуатации, но обеспечит благосостояние каждого человека. Но как только социализм стал собирать свои силы и стал движением, так сразу же на свет вылезли некоторые расхождения во мнениях, по причине влияния социальной среды в различных странах. И то, что каждая политическая концепция от теократии до цезаризма и диктаторы повлияла на некоторые фракции в социалистического движения является фактом.

Между тем два других великих течения политической мысли, оказали решающее значение на развитие социалистических идей: либерализм, который сильно влиял на продвинутые умы в англосаксонских странах, Голландии и Испании в частности, и демократия в том смысле, которому Руссо дал выражение в общественном договоре,

и которое нашло своих наиболее влиятельных представителей в лидерах французского якобинства. В то время как либерализм в своих социальных теориях отталкивался от индивида и желал свести деятельность государства к минимуму, демократия опиралась на абстрактную коллективную концепцию, всеобщую волю Руссо, которую стремились утвердить в национальном государстве. Либерализм и демократия были исключительно политическими концепциями, и так как большинство изначальных последователей обоих течений едва рассматривали экономические общественные условия, дальнейшее развитие этих условий не могло быть практически согласовано с основополагающими принципами демократии, и в ещё меньшей мере с принципами либерализма. Демократия со своим девизом равенства всех граждан перед законом, и либерализм с его равноправием мужчин и женщин, оба были разбиты о реалии капиталистической экономики. До тех пор пока миллионы людей в каждой стране продают свой труд ничтожному меньшинству собственников, и утопают в нищете, если они не могут найти покупателей, так называемое равенство перед законом остается просто благочестивым мошенничеством, так как законы создаются теми, кто распоряжается общественными богатствами. Но таким же образом не может быть и речи о правах человека, так как право кончается там, где один вынужден подчиняться экономическому диктату другого, если не хочет голодать.

Как и либерализм, анархизм олицетворяет идею о том, что счастье и процветание человека должны быть стандартом во всех социальных смыслах. И вместе с великими представителями либеральной мысли у него также присутствует идея сведения функций правительства к минимуму. Его сторонники проследили данную мысль до ее предельного заключения, и желают устранить все учреждения политической власти из жизни общества. Когда Джефферсон заключает основной концепт либерализма в словах: «То правительство лучше, которое управляет меньше всего», анархисты говорят вслед за Торо «То правительство наилучшее, которое не управляет вообще».

Вместе с основателями социализма, анархисты требуют отмену экономической монополии в каждой форме и поддерживают совместное владение землей и другими средствами производства, использование которых должны быть доступно всем без исключения, поскольку личная и социальная свобода возможна лишь на основе равных экономических условий для всех. В рамках социалистического движения анархисты представляют ту точку зрения, что борьба против капитализма в то же самое время должна быть борьбой против всех институтов государственного принуждения, поскольку в истории экономическая эксплуатация всегда шла рука об руку с политическими и социальными притеснениями. Эксплуатация человека человеком и господство человека над человеком неразделимы и эти условия неразделимы.

До тех пор пока группы имущих и неимущих людей сталкиваются друг с другом в своем антагонизме в обществе, государство будет необходимым для имущего меньшинства как способ защиты своих привилегий. Когда это условие социальной несправедливости исчезает, чтобы уступить место более высокому порядку вещей, который не будет признавать никакие особые права и будет иметь в своей основе сообщество общественных интересов, правительство над людьми должно будет уступить экономическому администрированию и социальным вопросам, или, говоря словами Сен-Симона: «Настанет время, когда искусство правительственного управления людьми исчезнет. Новое искусство займет его место, искусство адми-

нистрирования вещами». В этом смысле анархизм должен рассматриваться как разновидность добровольного социализма.

Это распространяется также на теорию Маркса и его последователей, согласно которой государство, в форме диктатуры пролетариата, является необходимым промежуточным этапом на пути к бесклассовому обществу, в котором государство, после устранения всех классовых конфликтов, а затем и самих классов самоликвидируется и исчезнет с лица земли. Согласно этой концепции, которая полностью ошибается в истинной природе государства и значении в истории фактора политической власти, оно является лишь логическим следствием так называемого экономического материализма, который видит во всех явлениях истории просто неизбежные последствия способов производства того времени. Под влиянием этой теории люди стали рассматривать разные формы государства и другие социальные институты как «юридическую и политическую надстройку экономической доктрины» общества, и думали, что они нашли в ней ключ к любым историческим процессам. В действительности же каждый этап истории предоставляет нам тысячи примеров того, каким образом экономическое развитие стран было задержано на столетия государством и его политической властью.

Перед возвышением церковной монархии, Испания, индустриально, было самой передовой страной в Европе, и занимала первое место в сфере экономического производства практически во всех областях. Но спустя столетие после триумфа христианской монархии большинство индустрий куда-то исчезли, а то что осталось, выжило в жалком состоянии. В большинстве отраслей промышленности произошел возврат к более примитивным методам производства. Сельское хозяйство разрушилось, оросительные каналы превратились в руины, и обширные территории страны были превращены в пустыни. Королевский абсолютизм в Европе, с его глупыми «экономическими декретами» и «индустриальным законодательством», которые жестоко наказывали любое отклонение от предписанных методов производства и не допускало никаких новых изобретений, заблокировали индустриальный прогресс в европейских странах на многие века, и препятствовало её естественному развитию. И даже сейчас после ужасного опыта двух мировых войн, властная политика больших национальных государств оказывается серьезным препятствием на пути реконструкции европейской экономики.

В России, однако, где так называемая диктатура пролетариата стала реальностью, желания определенной партии иметь политическую власть предотвратило какое-либо действительное социалистическое преобразование экономической жизни и принудило страну к перемалывающему рабству государственного капитализма. Диктатура пролетариата, которую наивные души считают неизбежной переходной ступенью к настоящему социализму, превратилась сегодня в ужасный деспотизм и новый империализм, который ни в чем не отстает от тирании фашистских государств. Утверждение что государство должно продолжить своё существование до тех пор, пока общество не будет более разделено на враждебные классы, звучит в свете всего исторического опыта, как плохая шутка.

Каждый тип политической власти предполагает специфическую форму человеческого рабства, для обслуживания которого он был создан. Подобному тому, как внешне, по отношению к другим государствам, государство должно создать опреде-

ленные искусственные антагонизмы для того, чтобы оправдать своё существование, также и внутреннее разделение общества на касты, ранги и классы является существенным условием его постоянства. Развитие большевистской бюрократии в России в рамках мнимой диктатуры пролетариата, которая никогда не была ничем иным кроме как диктатурой маленькой клики над пролетариатом и всеми россиянами является просто новой вариант старого исторического опыта, который повторялся бесчисленное множество раз. Этот новый правящий класс, который сегодня стремительно превращается в новую аристократию, отделен от обширных масс российских крестьян и рабочих столь ясно как привилегированные классы и касты в других странах над народными массами. И эта ситуация становится еще более невыносимой, когда деспотическое государство отказывает низшим классам в праве жаловаться на существующие условия, так что любой протест является прямым риском для жизни.

Но даже гораздо более высокая степень экономического равенства, чем та, что существует в России, не будет являться гарантом от политического и социального угнетения. Экономическое равенство само по себе не является социальным освобождением. Это именно то, чего все школы авторитарного социализма никогда не понимали. В тюрьме, в монастыре, в бараках каждый найдет достаточно высокий уровень экономического равенства, поскольку все обитатели получают одинаковые жилье, пищу, униформу, задания. Древнее государство Инки в Перу и Иезуитское государство в Парагвае принесли равные экономические условия для каждого жителя стационарной системы, но, несмотря на это, там преобладал самый мерзкий деспотизм, и человек был просто автоматом высшей воли, на решения которой он не имел ни малейшего влияния. Не без причин Прудон видел в «социализме» без свободы наихудшую форму рабства. Стремление к социальной справедливости может правильно развиваться и быть эффективным только в том случае, когда оно вырастает из человеческого чувства свободы и независимости, и основывается на этом. Другими словами, социализм будет свободным или его не будет вовсе. В признании данного факта находится подлинное и глубочайшее основание анархизма.

Институты служат для тех же причин в жизни общества, что и физические органы в растениях и животных; они являются органами социального тела. Органы не развиваются случайно, они обязаны своим происхождением определенным потребностям физического и социального окружения. Измененные условия жизни порождают измененные органы. Но орган всегда выполняет функцию, для выполнения которой он развивался, или связанной с ним. И он постепенно исчезает или становится рудиментарным тогда, когда его функция не является более необходимой организму.

То же самое верно и для социальных институтов. Они, точно также, не появляются случайно, а вызываются к жизни особыми социальными нуждами, чтобы служить определенным целям. Таким образом, современное государство развивалось, после того как экономические привилегии и связанное с ними классовое расслоение, становились все более заметными в структуре старого социального порядка. У недавно возникших имущих классов была потребность в инструментах политической власти, чтобы сохранить их экономические и социальные привилегии над массами своего народа, и распространить их и на другие группы человеческих существ. Таким образом, возникли подходящие социальные условия для эволюции современного государства как органа политической власти для насильственного покорения и угнетения неиму-

щих классов. Данная задача существенная причина их существования. Их внешние формы изменились в ходе исторического развития, но функции остались прежними. Они даже постоянно расширялись в той мере, в какой их последователи преуспели в дальнейшем подчинении себе областей социальной активности. И, точно так же, как функции физического органа не могут быть произвольно изменены так, чтобы, например, нельзя было, по желанию, слышать глазами или видеть ушами, так же никто не может, по желанию, преобразовать органы социального угнетения в инструмент освобождения от угнетенных.

Анархизм не является патентованным решением всех человеческих проблем, не утопия совершенного социального порядка (как его часто называют), так как он в принципе отвергает все абсолютные схемы и концепции. Он не верит ни в какую абсолютную правду, ни в какие конечные определенные цели человеческого развития, но в неограниченное совершенство социальных моделей и условий человеческой жизни, которые всегда натягиваются после высших форм выражения, и которому, по этой причине, нельзя ни назначить определенный предел, ни установить какую либо фиксированную цель. Самое большое зло в любой форме власти состоит в том, что она всегда пытается загнать богатое разнообразие общественной жизни в определенные формы и приспособить их к определенным нормам. Чем сильнее его последователи себя ощущают, тем в более полной мере они преуспевают в том, чтобы принести каждую сферу общественной жизни себе службу, тем более калечащим является их влияние на действия всех творческих культурных сил, тем более болезненно влияет на интеллектуальное и социальное развитие власти и страшное знамение нашего времени, так как демонстрирует с ужасной ясностью до сколь чудовищной степени может развиваться Левиафан Гоббса. Это идеальный триумф политической машины над разумом и телом, рационализация человеческой мысли, чувств и поведения в соответствии с установленными правилами чиновников и, следовательно, конец всей истинной интеллектуальной культуры.

Анархизм признает лишь относительную значимость идей, институтов, и социальных условий. Тем самым он не является фиксированной, замкнутой на самой себе социальной системой, а скорее определенная тенденция в историческом развитии человечества, которая в противоположность интеллектуальному охранительству всех клерикальных и государственных институтов, борется за свободное беспрепятственное раскрытие всех индивидуальных и общественных сил жизни. Даже свобода всего лишь относительна, не абсолютная концепция, так как она имеет тенденцию постоянно расширять свою область и затрагивать более широкие круги разнообразными способами. Для анархистов, свобода не является абстрактным философским принципом, но жизненно важная конкретная возможность для каждого человека полностью развить все способности и таланты, которыми природа наделила его, и повернуть их в социальное русло. Чем меньше в естественное развитие человека вмешивается церковное или политическое попечение, чем более эффективная и гармоничная будет личность человека, тем более она будет становиться мерой духовной культуры общества, в котором он вырос. Это является причиной того, почему все великие культурные периоды в истории были периодами политической слабости, поскольку политические системы всегда основываются на механизации, а не органическом развитии общественных сил. Государство и культура являются непри-

миримыми противоположностями. Ницше, который не был анархистом, очень четко выразил это, когда написал: «Никто в конце концов не может потратить больше чем он имеет. Это считает хорошим для людей; это считает хорошим для народов. Если кто-то растрчивает себя на власть, на высшую политику, на бережливость, на коммерцию, на парламентаризм, на интересы милитаризма, если кто-то отчуждает значение разума, серьёзности, воли, самообладания, который посвящает себя одной вещи, он не будет иметь этого для другого. Государство и культура, никто не может сомневаться в их антагонизме: культурное государства просто на просто современная идея. Одно живет на другом, одно процветает за счет другого. Государство и культура, никто не может сомневаться в их антагонизме: культурное государства просто на просто современная идея. Одно живет на другом, одно процветает за счет другого».

Где влияние политических сил на творческие силы общества сводится к минимуму, там культура процветает лучше, так как политическое правление всегда стремится к однородности и имеет тенденцию подчинять все аспекты социальной жизни своей опеке. И в этом, она оказывается в неизбежном противоречии творческих устремлений и культурного развития, которое всегда ищет новые формы и области социальной деятельности, и для которой свобода выражения, многогранность и непрерывное изменение вещей, столь же жизненно необходимы как жесткие формы, мертвые правила, и насильственное подавление идей для сохранения политической власти. Каждое удачное произведение работы возбуждает желание добиться совершенства и более глубокого вдохновения, каждая новая форма становится провозвестником новых возможностей развития. Но власть всегда пытается сохранить вещи такими, какие они есть, чтобы надежно закрепить стереотипы. Это было причиной всех революций в истории. Держава действует только разрушительно, всегда склоняясь к помещению каждого проявления социальной жизни в смиренную рубашку его правил. Ее интеллектуальное выражение - мертвая догма, его физическая форма - грубая сила. И эта недалекость ее целей накладывает свой отпечаток на ее представителей, что часто делает их глупыми и жестокими, даже если они изначально были наделены лучшими таланты. Тот, кто постоянно пытается подвергнуть все механизации в конце концов сам становится машиной и теряет человеческие чувства.

Именно из этого понимания современный анархизм возник и черпает свою нравственную силу. Только свобода может вдохновлять людей на великие дела и обещать интеллектуальные и социальные преобразования. Искусство управления людьми никогда не было искусством воспитания и вдохновения их к приданию новых форм своей жизни. Угнетающее принуждение имеет в своем распоряжении только безжизненное упражнение, которое душит любую жизненно важную инициативу в самом зародыше и несет дальше только субъекты, не свободных людей. Свобода является сущностью жизни, движущей силой всего интеллектуального и социального развития, создателем каждый нового взгляда на будущее человечества. Освобождение человека от экономической эксплуатации и от интеллектуального, социального и политического угнетения, которое находит свое наивысшее выражение в философии анархизма, является первым условием для развития более высокой социальной культуры и нового человечества.

История анархистской философии от Лао-Цзы до Кропоткина

Анархистские идеи обнаруживаются почти в каждом известном периоде человеческой истории. Мы находим их в трудах китайского мудреца Лао-Цзы (Направление и правильный путь), и у более поздних греческих философов, гедонистов и киников и других, которые выступают за так называемое естественное право, и в частности у Зенона, основателя школы стоиков и оппонента Платона. Они нашли выражение в учениях гностиков Карпократа в Александрии, и имели безошибочное влияние на определенные христианские секты в Средние века во Франции, Германии, Италии, Голландии и Англии, большинство которых пали жертвами самых жестоких преследований. В истории Богемской Реформации, они нашли сильного представителя в Петре Хельчицком, который в своей работе, «Сеть Веры», изложил то же суждение о церкви и государстве, что и Толстой несколькими веками позднее. Среди великих гуманистов был Рабле, который в своем описании счастливо аббатства Телема (Гаргантюа) представил картину жизни, освобожденной от всех авторитарных ограничений. Из других пионеров либертарного мышления упомянем еще Ла Боэтта, Сильвена Марешаля, и превыше всех Дидро, в чьих многотомных писаниях обнаруживаются множественные высказывания, говорящие о великом уме, избавившим себя от любых авторитарных предрассудков.

Между тем, было сохранено для более недавней истории дать отчетливую форму анархистской концепции жизни и связать её с непосредственными процессами в социальной эволюции. Это было сделано впервые Уильямом Годвином (1756-1836) в его великолепно задуманной работе, «Исследования о политической справедливости и её влияния на общую добродетель и счастье» (Лондон 1793). Работа Годвина была, можно так сказать, созревшим плодом долгой эволюции концепций политического и социального радикализма в Англии, идущих от Джорджа Бьюкенена вплоть до Ричарда Хукера, Джерарда Уинстенли, Алгернона Сиднея, Джона Локка, Роберта Валле и Джона Беллерса до Джереми Бентама, Джозефа Пристли, Ричарда Прайса и Томаса Пейна.

Годвин очень ясно определил, что причину социального зла следует искать не в форме государства, а в самом факте его существования. Но он также признал, что люди могут жить вместе естественно и свободно, когда надлежащие для этого экономические условия заданы, и человек не подвергается более эксплуатации со стороны других, утверждение, которое большинство представителей простого политического радикализма, почти полностью проигнорировали. Отсюда позднее они были вынуждены постоянно идти на большие уступки государству, которое они стремились свести к минимуму. Идея Годвина о безгосударственном обществе предполагала общественную собственность на землю и инструментами труда, и ведение экономической жизни свободными кооперативами производителей. Работа Годвина имела сильное влияние на продвинутые круги английских рабочих и наиболее просвещенные круги либеральной интеллигенции. Самое важным является то, что он внес свой вклад в молодое социалистическое движение в Англии, что нашло своих наиболее зрелых последователей в Роберте Оуэне, Джоне Грее и Вильяме Томпсоне, этот яв-

ный либертарный характер, который он имел долгое время, и который никогда не принимался в Германии и многих других странах.

Также следует упомянуть французского социалиста Шарля Фурье (1772-1832) с его теорией привлекательного труда, как одного из пионеров либертарных идей.

Но все же наиболее сильное влияние на развитие анархистской теории имел Пьер Жозеф Прудон (1809-1865), один из наиболее интеллектуально одаренных и, безусловно, наиболее многогранный писатель современного социализма. Прудон был полностью погружен в интеллектуальную и социальную жизнь своего времени, и это его повлияло на его отношение ко всем вопросам, которыми он занимался. Поэтому, его не стоит судить, так, как он уже был судим его многочисленными последователями, так как многие его предложения были рождены нуждами того времени. Среди множества социалистических мыслителей своего времени он был тем, кто наиболее глубоко понимал причины социальных нестыковок, и обладал, кроме того, величайшей широтой взглядов. Он был открытым противником всех систем, и видел в социальной эволюции вечное стремление к новым и высшим формам интеллектуальной и общественной жизни; он был убежден в том, что эволюция не может быть ограничена никакими абстрактными формулами.

Прудон противостоял влиянию якобинской традиции, которая доминировала в мышлении французских демократов и большинства социалистов того периода, с той же решимостью что и вмешательству централизованного государства и экономической монополии в естественные процессы социального развития. Избавление общества от этих двух раковых наростов являлось для него великой задачей революции девятнадцатого века. Прудон не был коммунистом. Он осуждал собственность просто как привилегию эксплуататоров, но он признавал право собственности на средства производства для всех, обеспечивающегося в индустриальных группах, связанных между собой свободным договором, пока это право не служило для эксплуатации других людей и до тех пор, пока полный продукт личного труда обеспечивался каждому члену общества. Такая ассоциация, основанная на взаимодействии (взаимности), гарантирует реализацию равных прав каждого в обмен на общественные услуги. Среднее рабочее время, необходимое на работу над каким-либо продуктом станет мерой его ценности и базисом взаимного обмена. Таким образом, капитал лишается своей власти и полностью зависит от совершенной работы. Будучи доступным для всех, перестает быть инструментом эксплуатации. Такая форма экономики делает политический аппарат насилия излишним. Общество станет содружеством свободных коммун, которые выстроят свои отношения, ориентируясь на их потребности, самостоятельно или совместно с другими, и в котором свобода человека равная свободе других не ее ограничение, но безопасность и подтверждение. «Чем свободнее, независимее и инициативней человек в обществе, тем лучше это для общества».

Эта организация федерализма, в которой Прудон видел ближайшее будущее, не устанавливает определенных ограничений будущих возможностей развития, и предлагает широчайший простор индивидуальной и общественной деятельности. Отталкиваясь от этого пункта федерации, Прудон также боролся со стремлениями к политическому и национальному единству пробуждающегося национализма своего времени, который нашел себе таких сильных сторонников как Мадзини, Гарибальди,

Лелевеля и других. В этом отношении он более ясно видел сущность национализма, чем большинство его современников. Прудон оказал сильное влияние на развитие социализма, особенно в латинских странах.

Идеи, сходные с экономическими и политическими концепциями Прудона распространялись последователями так называемого индивидуалистического анархизма в Америке, нашедшего свое выражение в лице таких представителей как Иосия Варрен, Степан Перл Андриус, Уильям Б. Грин, Лисандер Спунер, Бенджамин Р. Таккер, Эзра Хейвуд, Фрэнсис Д. Тэнди и многих других, хотя ни один из них не смог достигнуть той широты взглядов, которой обладал Прудон. Особенность этой школы либертарной мысли состояла в том, что представители её брали свои политические идеи не у Прудона, а из традиций американского либерализма, почему Таккер и мог высказать следующее утверждение: «Анархисты являются просто последовательными джефферсонианскими демократами».

Уникальное выражение либертарных идей можно найти в книге Макса Штирнера (Иоганн Каспар Шмидт) (1806-1856) «Der Einzige und sein Eigentum» («Единственный и его собственность»), которая, и это действительно так, быстро канула в Лету и не оказала никакого влияния на анархистское движение как таковое. Книга Штирнера является по преимуществу философской работой, которая рассматривает зависимость человека от так называемых высших сил на протяжении всего его извилистого пути, и не робка в заключении выводов из знаний, приобретенных во время исследования. Эта книга сознательного и умышленного повстанца, которая демонстрирует неуважение к любой власти, однако экзальтирована, и потому сильно подталкивает к независимому мышлению.

Анархизм нашел зрелого сторонника с сильной революционной энергией в лице Михаила Бакунина (1814-1876), который основывал свои идеи на учении Прудона, но расширил их в экономическом плане, когда он вместе с коллективистским крылом Первого интернационала защищал коллективную собственность на землю и других средства производства, и пожелал запретить право частной собственности только на продукт индивидуального труда. Бакунин также был противником коммунизма, который в его время имел совершенно авторитарный характер, в таком который вновь нашел свое выражение в большевизме: «Я не коммунист, потому что коммунизм объединяет все силы общества в государстве и поглощается им; потому что он неизбежно ведет к концентрации всей собственности в руках государства, в то время как я ищущу отмену государства – полное устранение всех принципов авторитарности и государственного покровительства, которое под прикрытием того, что хочет сделать человека моральным и цивилизованным, до сих пор всегда поработывает, подавляет, эксплуатирует и уничтожает человека».

Бакунин был непоколебимым революционером и не верил в мирное урегулирование существующих внутриобщественных конфликтов. Он признавал, что правящие классы слепо и упрямо сопротивлялись всем возможностям больших социальных реформ, и соответственно видел единственное спасение в интернациональной социальной революции, которая бы отменила все институты политической власти и экономической эксплуатации, и ввела вместо них Федерацию свободных ассоциаций производителей и потребителей, для обеспечения потребностей их повседневной жизни. Поскольку он, как и многие его современники, верил в непосредственную

близость революции, он направил всю свою огромную энергию к объединению всех по-настоящему революционных и либертарных элементов в пределах и вне Интернационала, дабы оградить грядущую революцию от любой диктатуры или любого регресса к старым условиям. Таким образом, он стал в совершенно особом смысле создателем современного Анархистского движения.

Анархизм обрел ценного сторонника в лице Петра Кропоткина (1842-1921), который поставил себе задачу сделать достижения современного естествознания доступными для развития социологической концепции анархизма. В его гениальной книге «Взаимная помощь как фактор эволюции», он изложил мнения против так называемого социал-дарвинизма, последователи которого пытались доказать неизбежность существующего социального устройства исходя из дарвинистской теории борьбы за существование, поднимая борьбу сильных против слабых до железного закона природы, субъектом которого также является и человек. В реальности эта концепция находилась под сильным влиянием доктрины Мальтуса, согласно которой «стол жизни» не распространяется на всех, и что лишние должны просто смириться с этим фактом. Кропоткин показал, что такой взгляд на природу как на поле неограниченной войны, является лишь карикатурой на реальную жизнь, и что наряду с жестокой борьбой за существование, которая ведется зубами и когтями, в природе существует и другая тенденция, которая выражается в социальной комбинации слабых видов и поддержании рода, эволюции социальных инстинктов и взаимопомощи. В этом смысле человек не является творцом общества, но общество является творцом человека, поскольку он унаследовал от видов, которые предшествовали ему социальный инстинкт который один лишь дал ему возможность сохранить себя в своей первой окружающей среде от физического превосходства других видов, и обеспечить невиданный рост развития. Второе демонстрирует устойчивый регресс тех видов, тенденция которых в борьбе за существование намного превосходит первое, не имеют социальной жизни и зависят только от их физической силы. Эта точка зрения, которая сегодня находит все более широкое признание в области естественных наук и социальных исследований, открыла совершенно новые перспективы для исследований, относительно эволюции человека.

Согласно Кропоткину остается фактом, что даже под самым ужасным деспотизмом большинство человеческих отношений со своими товарищами строятся на социальных привычках, свободном соглашении и взаимовыгодном сотрудничестве, без которых общественная жизнь вообще не была бы возможна. Если бы не имело место, даже сама сильная государственная машина принуждения не смогла бы сохранить социальный порядок ни на какое время. Однако эти естественные формы поведения, которые произрастают из внутренней природы человека, сегодня постоянно подвергаются вмешательству и калечатся последствиями экономической эксплуатации и государственной опеки, представляющих грубые формы борьбы за существование в человеческом обществе, которые должны быть преодолены другой формой взаимопомощи и свободной сотрудничества. Сознание личной ответственности и способность сочувствия к другим людям, которые составляют всю социальную этику и все идеи социальной справедливости, лучше всего развиваются в свободе.

Как и Бакунин, Кропоткин тоже был революционером. Но он, как Элизе Реклю и другие, видел в революции только особый этап эволюционного процесса, кото-

рый появляется, когда новые социальные устремления столь ограничены в своем естественном развитии властью, что они должны разрушать старую оболочку при помощи насилия, прежде чем они смогут функционировать в качестве новых элементов человеческой жизни.

В отличие от мутуализма Прудона и коллективизма Бакунина, Кропоткин был приверженцем общего владения не только средствами производства, но также и продуктами труда, так как, по его мнению, в при современном технологическом развитии невозможно точно измерить ценность индивидуального труда, но, с другой стороны, он считал, что рациональным руководством нашими современными методами труда будет возможно гарантировать сравнительное изобилие каждому человеку. Коммунистический анархизм, который ещё до Кропоткина уже отстаивался Жозефом Дежаком, Элизе Реклю, Карло Кафiero и другими, и который сегодня признается большинством анархистов, нашел в нем своего наиболее блестящего выразителя.

Так же здесь стоит упомянуть Льва Толстого (1828-1910), который от примитивно-го христианства и на основе этических принципов, изложенных в Евангелии, пришел к идеи общества без власти.

Общее для всех анархистов является желание, общества свободного ото всех политических и социальных институтов принуждения, которые стоят на пути развития свободного человечества. В этом смысле, мутуализм, коллективизм и коммунизм не должны восприниматься как закрытые экономические системы, не допускающие дальнейшего развитие, но лишь в качестве экономических предположений относительно средств защиты свободного общества. Там, вероятно, будут все формы свободного общества будущих различных форм экономической кооперации, существующих рядом друг с другом, так как любой социальный прогресс должен быть связан со свободной экспериментирования и практическим тестированием новых методов, для которых в свободном обществе свободных общин будут все возможности.

То же самое справедливо и для различных методов анархизма. Работа его последователей является преимущественно образовательной работой для подготовки людей в интеллектуальном и психологическом плане для задач их социального освобождения. Каждая попытка ограничить влияние экономического монополизма и государственной власти является шагом, приближающим нас к реализации этой цели. Каждое развитие добровольной организации в различных сферах социальной активности в направлении личной свободы и социальной справедливости углубляет понимание людей и усиливает их социальную ответственность, без которой не могут быть достигнуты никакие изменения в общественной жизни. Большинство Анархистов в наше время убеждены, что такая трансформация общества займет годы конструктивной работы и образования, и не может быть осуществлена без революционных судорог, которые до настоящего времени всегда сопровождали прогресс общественной жизни. Характер этих судорог конечно полностью зависит от силы сопротивления, с которым правящие классы будут в состоянии противостоять реализации новых идей. Чем шире круги, вдохновленные идеей о реорганизации общества в духе свободы и социализма, тем легче будут муки рождения новых социальных перемен в будущем. Ведь даже революции могут развивать и дополнять

идеи, которые уже существуют и проделали свой путь в сознание людей; но они не могут сами творить новые идеи или создавать новых миров из ничего.

До возникновения тоталитарных государств в России, Италии, Германии и позже в Португалии и Испании, и начала Второй мировой войны, анархистские организации и движения существовали почти в каждой стране. Но как и все другие социалистические движения того периода, они стали жертвами фашистской тирании и вторжения немецкой армии, и не могли вести только подпольное существование. С окончанием войны во всех странах Западной Европы началось воскрешение анархистского движения. Федерации французских и итальянских анархистов уже провели свои первые конвенции, так же как и испанские анархисты, многие тысячи которых до сих пор живут в изгнании, в основном во Франции, Бельгии и Северной Африке. Анархистские газеты и журналы снова издаются во многих европейских странах и в Северной и Южной Америке.

Истоки анархо-синдикализма

Многие анархисты провели большую часть своей деятельности рабочему движению, особенно в романских странах, где в более поздние годы зародилось анархо-синдикалистское движение. Его теоретические посылы были основаны на либертарном учении или анархистском социализме, в то время как его форма организации была заимствована из движения революционного синдикализма, которое между 1895 и 1910 годами испытало заметный подъем, в частности во Франции, Италии и Испании. Его идеи и методы, однако, не были новыми. Они уже нашли глубокий отклик в рядах Первого Интернационала, когда великая ассоциация достигла зенит своего интеллектуального развития. Это явно проявилось во время дебатов на его четвертом конгрессе в Базеле (1869) относительно важности экономических организаций трудящихся. В докладе по этому вопросу Юджина Хинса, сделанного перед конгрессом от имени Бельгийской федерации, была представлена первый раз совершенно новая точка зрения, которая, несомненно, имела сходства с некоторыми идеями Роберта Оуэна и английского рабочего движения 1830х годов.

Для того чтобы сделать правильную оценку этого, необходимо помнить, что в это время различные школы государственного социализма совершенно не придавали, либо в лучшем случае мало придавали значения профсоюзам. Французские бланкисты видели в этих организациях просто реформистское движение, с социалистической диктатурой в роли их непосредственной цели. Фердинанд Лассаль и его последователи направили всю свою деятельность на объединение рабочих в политическую партию и были откровенными противниками всех усилий профсоюзных, в которых они видели только препятствие на пути политического развития рабочего класса. Маркс и его сторонники того периода признавали необходимость профессиональных союзов для достижения определенных улучшений в рамках капиталистической системы, но они считали, что их роль будет исчерпана этим, и что они исчезнут вместе с капитализмом, так как переход к социализму может быть совершен только под руководством диктатуры пролетариата.

В Базеле эта идея впервые подверглась тщательному критическому анализу. Взгляды выраженные в бельгийском докладе представленном Хинсом, которые также разделялись делегатами из Испании, швейцарской Юры и большей части французских секции были основаны на предпосылке, что существующие экономические ассоциации рабочих являются не только необходимостью в современном общества, но будут также являться ядром грядущей социалистической экономики, и исходя из этого, обязанностью Интернационала является воспитание рабочих для выполнения этой задачи. В соответствии с этим, конгресс принял следующую резолюцию:

«Конгресс заявляет, что все рабочие должны стремиться к созданию ассоциаций для сопротивления в их различных профессиональных областях. Как только профсоюз сформирован, союзы в той же сфере должны быть уведомлены для того, чтобы могло начаться формирование национального отраслевого объединения. На эти объединения должны быть возложены обязанности сбора всего материала, касающегося их отрасли, уведомляя о мерах, которые должны выполняться сообща, следить за их выполнение до конца, до тех пор, пока существующей система с заработной платы не будет заменена федерацией свободных производителей. Конгресс поручает Генеральному совету обеспечить все для создания профсоюзов во всех странах».

В поддержку резолюции предложенной комитетом, Хинс объяснил, что «этой двойной формой организации рабочих местных ассоциаций и общих союзов для каждой отрасли с одной стороны и политического управления трудовых советов с другой, общее представление трудящихся, на региональном, национальном и международном уровнях, будет обеспечено. Советы отраслей и индустриальные организации займут место существующего правительства, и это представление труда покончит раз и навсегда с правительствами прошлого».

Эта новая идея выросла из понимания того, что каждая новая экономическая форма общества должна сопровождаться новой политической формой социального организма, и могла только достичь практического выражения только в этом. Его последователи видели в современном национальном государстве только политического агента или защитника имущих классов, и потому не стремились к захвату власти, но к уничтожению любой системы власти в обществе, в которых они видели все необходимые предварительные условия для тирании и эксплуатации. Они понимали, что наряду с монополией на собственность, монополия на власть также должна исчезнуть. Исходя из их признания того, что господство человека человеком отжило свой век, они хотели ознакомиться с управлением вещей. Или, как сказал Бакунин, один из предшественников современного анархо-синдикализма:

«Организация Интернационала, имеющая целью не создание новых государств, а коренное разрушение всякого господства, должна существенно разниться от государственной организации. Насколько последняя искусственна, насильственна, основана на принципе власти, чужда и враждебна естественному развитию народных интересов и инстинктов, настолько организация Интернационала должна быть свободной, естественной, соответствовать во всех отношениях этим интересам и этим инстинктам.

Но что это за естественная организация масс?

Организация, вытекающая из их повседневной жизни, основанная на различных видах труда; иными словами – организация по ремеслам. С того момента, когда

все виды промышленности будут представлены Интернационалом, включая сюда и разные виды земледельческого труда, организация народных масс будет закончена».

И, в другом случае: «Все это практическое и жизненно важное исследование социальных наук самими рабочими в их отраслевых секциях и их палатах труда будет и уже имеет у них единогласное, хорошо продуманное, теоретически и практически очевидное убеждение, что серьёзные, окончательное полное освобождение рабочих возможно только лишь при одном условии: экспроприация капитала, то есть сырья и всех орудий труда, включая землю, всеми рабочими... Организация отраслевых секций, их федераций в Интернационале, и их представление биржами труда, не только создают великую академию, в которой рабочие Интернационала, объединенные теорией и практикой, могут и должны изучить экономическую науку, они также несут в себе живые ростки нового социального порядка, который должен заменить буржуазный мир. Они создают не только идеи, но и факты самого будущего».

После заката Интернационала и франко-германской войны, благодаря которой фокус социалистического рабочего движения переместился в Германию, рабочие которой не имели ни революционных традиций, ни богатого опыта, которым владела социалисты в западных странах, эти идеи были постепенно забыли. После поражения Парижской Коммуны и революционных потрясений в Испании и Италии секции Интернационала в этих странах были вынуждены в течение многих лет вести подпольное существование. Только с пробуждением революционного синдикализма во Франции идеи Первого интернационала были вытасканы из забвения и вновь вдохновили широкие слои рабочего движения.

Социализм и анархо-синдикализм во Франции

Современный анархо-синдикализм является прямым продолжением тех социальных устремлений, которые сложились в недрах Первого интернационала, и которые были лучше всего поняты и наиболее сильно поддержаны либертарным крылом великого рабочего альянса. Его развитие было прямой реакцией против концепций и методов политического социализма, реакцией, которая за десять лет до начала Первой мировой войны уже была проявилась в сильном подъеме движения революционного синдикализма во Франции, Италии и особенно в Испании, где огромное большинство организованных рабочих всегда оставались верными доктринам либертарного крыла Интернационала.

Во Франции противостояние идеям и методам современных рабочих партий нашло ясное выражение в теории и тактике революционного синдикализма. Непосредственной причиной для развития этих новых тенденций во французском рабочем движении был непрекращающийся раскол различных социальных партий во Франции. Все эти партии, за исключением аллеманистов, которые позже полностью отказались от парламентской деятельностью, видели в профсоюзах просто рекрутинговые школы для их политических целей и не понимали их реальных функций. Постоянные разногласия среди различных социалистических фракций были естественно перенесены в профсоюзы, и часто случалось, что когда профсоюзы одной фракции объявляли забастовку, профсоюзы других фракций выходили на них в ка-

честве штрейкбрехеров. Это нетерпимая ситуация постепенно раскрыла рабочим глаза. Таким образом, конгресс профсоюзов в Нанте (1894) назначил специальный комитет с задачей разработки средств для достижения взаимопонимания между всеми профсоюзными альянсами. Результатом этого являлось основание в следующем году Всеобщей конфедерации труда на конгрессе в Лиможе, которая объявила себя независимой от всех политических партий. С тех пор во Франции существует только две больших профсоюзных группы, С.Г.Т и Федерация бирж труда (Federation des Bourses du Travail), и в 1902, на конгрессе в Монпелье, последняя присоединилась к С.Г.Т.

Часто сталкиваешься с широко распространенным мнением, которому способствовал в частности Вернер Зомбарт, что революционный синдикализм во Франции обязан своему происхождению таким интеллектуалам как Ж. Сорель, Э. Берт и Ю. Лагарделль, которые в журнале «Le Mouvement Socialiste», основанном в 1899 году, разработали свое видение интеллектуальные результаты нового движения. Это совершенно неверно. Ни один из этих мужчин принадлежали к движению, никто из них не имел какого либо существенного влияния в его внутреннем развитии. Более того, С.Г.Т. не состоял исключительно из революционных синдикалистов; безусловно, половина его членов принадлежала к реформистской тенденции и присоединилась к С.Г.Т. потому что даже они признавали, что зависимость профсоюзов от политических партий была бедой для движения. Но революционное крыло, на стороне которого находились самые энергичные и активные элементы организованных трудящихся, а также самые блестящие интеллектуальные силы организации, дало С.Г.Т. свой характерный отпечаток, и именно они определили развитие идей революционного синдикализма. Многие из них пришли из аллеманистов, но еще больше из числа анархистов, такие как Фернан Пеллутье, весьма толковый секретарь Федерации бирж труда, Эмиль Пуже, редактор официального органа С.Г.Т. «La Voix du Peuple», П. Делесаль, Ж. Ивето и многие другие. То что новое движение развилось и нашло свое отражение в Амьенской хартии (1906), в которой были изложены принципы и методы движения, было главным образом причиной того, что оно находилось под влиянием радикального крыла С.Г.Т.

Это новое движение во Франции, найдено сильное отклик среди латинских рабочих и проникло также в других странах. Влияние французского синдикализма в это время на большие и малые секции международного рабочего движения было усилено в большой степени внутренним кризисом, который в этот период поразил почти все социалистические рабочие партии Европы. Битва между так называемыми ревизионистами и стойкими марксистами, и в особенности тот факт, что их парламентская деятельность вынудила наиболее жестких противников ревизионистов естественных потребностей блуждать параллельно с ревизионизмом, вызвало у многих из наиболее вдумчивых элементов серьезную рефлексию. Они понимали, что участие в политике национальных государств не продвинуло рабочее движение ни на волос ближе к социализму, но очень помогло разрушить веру в необходимость конструктивной социальной деятельности, и, что хуже всего, лишило людей их инициативы, давая им губительное заблуждение, что спасение всегда приходит сверху.

В этих условиях социализм неуклонно терял свой характер культурного идеала, который должен был подготовить рабочих к роспуску существующей капиталистической системы и, таким образом, не мог позволить самому себе быть остановленным искусственными границами национальных государств. В умах лидеров современных рабочих партий предполагаемые цели их движения все больше и больше смешивались с интересами национальных государств, пока, наконец, они не стали неспособными различать между ними какие-либо определенные границы. Было бы ошибкой найти в этом странном повороте преднамеренное предательство лидеров, как часто утверждается. Правда состоит в том, что мы имеем здесь дело с постепенной ассимиляцией к методам и намерениям относительно современного общества, которое обязательно должно было затронуть интеллектуальное отношение лидеров различных рабочих партий в каждой стране. Те самые партии, которые когда-то намеревались завоевать политическую власть под флагом социализма, видели самих себя вынужденными железной логикой условий пожертвовать их социалистическими убеждениями, часть за частью, в пользу национальной политики государства. Политическая власть, которую они хотели завоевать, постепенно завоевала их социализм, до тех пор, пока в нем не осталось почти ничего, кроме названия.

Роль профсоюзов: анархо-синдикалистский взгляд

Это были соображения, которые привели к развитию революционного синдикализма, или, как его называли позже, анархо-синдикализма во Франции и других странах^{1*}. Термин «рабочий синдикат» изначально был просто обозначением организации производителей для немедленного улучшения своего экономического и социального положения. Но рост революционного синдикализма придал этому оригинальному значению намного более широкий и глубокий смысл. Так же как и партия, если можно так выразиться, единая организация с определенным политическим усилием в рамках современного конституционного государства, которое стремиться к сохранению существующих общественных порядков в той или иной форме, так и согласно синдикалистскому взгляду, тред-юнионы являются единой организацией труда, и их цель состоит в защите производителей в рамках существующего общества, подготовка и практическое осуществляют реконструкции социальной жизни в направлении социализма. Они, таким образом, имеют двойную цель: 1. Осуществление требований производителей в области сохранения и повышения их уровня жизни; 2. Ознакомление работников с техническим управлением производством и экономической жизнью в целом, и подготовка их к взятию социально-экономического

¹ Это не совсем верно, так как исторически анархо-синдикализм и революционный синдикализм представляют собой несколько различные направления синдикалистской мысли. В частности сторонники революционного синдикализма не выступали с четких анархо-коммунистических позиций (хотя в той же книге Эмиля Пуже «Основы синдикализма» и говорилось о либертарном коммунистическом обществе, которое должно прийти на смену существующему строю). Это проявлялось в частности в том, что профсоюзное (синдикалистское) движение хотя и декларировалось как независимое от политических партий, в действительности речь шла о том, что члены профсоюзов должны «оставить за его рамками» свои политические пристрастия, и не вести пропаганду только внутри профсоюзов, что не вполне соотносится с анархо-синдикалистскими принципами.

организма в свои руки и переформирование его в соответствии с социалистическими принципами.

Анархо-синдикалисты придерживаются того мнения, что политические партии не приспособлены к выполнению какой-либо из этих двух задач. Согласно их концепциям, профсоюзы должны быть острием рабочего движения, закаленным ежедневными боями и пропитанные социалистическим духом. Только в сфере экономики рабочие могут показать свою настоящую силу, так как это их деятельность как производителей, которые скрепляет вместе всю социальную структуру и гарантирует существование общества. Только в качестве производителя и создателя социального богатства работник сознает свою силу. В сплоченном союзе со своими сторонниками он создает великую фалангу боевого труда, пылающую духом свободы и воодушевленную идеалом социальной справедливости. Для анархо-синдикалистов рабочий синдикат является наиболее плодотворным ростком будущего общества, и в целом начальной школой социализма. Каждая новая социальная структура создает для себя органы в теле старого организма; без этой предпосылки немыслима никакая социальная эволюция. Для них социалистическое образование не означает участия в политике власти национального государства, но усилия разъяснить рабочим важные связи между социальными проблемами технического обучения и развитием их управленческого потенциала, чтобы подготовить их к роли пересоздателей экономической жизни и дать им моральную уверенность, необходимую для выполнения их задачи. Никакое социальное тело не приспособлено лучше для этой цели, чем боевая экономическая организация рабочих; это дает определенную направленность их общественной деятельности и укрепляет их сопротивление в непосредственной борьбе за жизненные потребности и защиту человеческих прав. В то же самое время оно развивает их этические понятия, без которых невозможна ни одна социальная трансформация: жизненную солидарность с их товарищами по судьбе и моральную ответственность за их действия.

Просто потому, что образовательная работа анархо-синдикалистов направлена на развитие независимого мышления и действия, они открытые противники всех централизаторских тенденций, которые столь характерны для большинства нынешних рабочих партий. Централизм, эта искусственная схема, которая действует сверху вниз и передает управленческие дела малочисленному меньшинству, всегда сопровождается скучной официальной рутинной; он уничтожает индивидуальные убеждения, убивает личную инициативу безжизненной дисциплиной и бюрократической косностью. Для государства, централизм целесообразной формой организации, поскольку он стремится к максимально большей однородности социальной жизни для поддержания политического и социального равновесия. Но для движения, само существование которого зависит от оперативных действий в любой благоприятный момент и от независимой мысли его сторонников, централизм это проклятие, которое ослабляет его полномочия на принятие решений и систематически подавляет всякую спонтанную инициативу.

Организация анархо-синдикализма основана на принципах федерализма, на свободной комбинации снизу вверх, поместив право самоопределения каждого профсоюза превыше всего прочего и признавая только органическое соглашение всех на основе общих интересов и общих убеждений. Их организация соответственно

построена на следующих основах: рабочие в каждой местности присоединяются к профсоюзам их отрасли. Профсоюзы каждого города или сельской местности объединяются в Биржи труда, которые представляют собой центры местной пропаганды и образования, и сплачивают всех рабочих вместе как производителей, чтобы предотвратить рост каких либо ограниченных фракционных настроений. В ходе местных трудовых конфликтов они организуются для объединенного сотрудничества единым целым организованных трудящихся в местном масштабе. Все Биржи труда группируются по районам и областям для организации Национальной федерации Бирж труда, которая поддерживает постоянную связь между местными органами, организывает свободное регулирование производительного труда всех членов различных организаций, кооперирует, обеспечивает необходимую координацию в образовательной работе и поддерживает местные групп советами и рекомендациями.

Каждый профсоюз, кроме того, федеративно связан со всеми организациями той же отрасли, а те, в свою очередь, со всеми родственными отраслями, так, чтобы все они были объединены в общих индустриальных и сельскохозяйственных союзах. Их задача удовлетворять требования повседневной борьбы между капиталом и трудом, и объединять все силы движения для совместных действий там, где возникает необходимость. Таким образом, Федерация Бирж труда и Федерация промышленных союзов представляют собой два полюса, вокруг которых вращается вся жизнь рабочих синдикатов.

Такая форма организации не только дает рабочим все возможности для прямого действия в борьбе за хлеб насущный, но и снабжает их необходимыми приготовлениями для реорганизации общества, их собственными силами, и без чужого вмешательства в случае революционного кризиса. Анархо-синдикалисты убеждены, что социалистический экономический строй не может быть создан декретами и положениями какого-либо правительства, но только абсолютным сотрудничеством рабочих, технического персонала и крестьян, чтобы продолжить производство и распространение собственным управлением в интересах сообщества и на основе взаимных соглашений. В такой ситуации Биржи труда приняли бы на себя управление существующего социального капитала в каждом сообществе, определяли бы потребности жителей их районов и организовали бы местное потребление. При посредстве Федерации Бирж труда стало бы возможно рассчитать общие потребности целой страны и соответственно приспособить производственные работы. С другой стороны это была бы задача промышленных и сельскохозяйственных союзов взять под свой контроль все средства производства, транспортировки, и т.д., и обеспечить отдельные производственные группы тем, в чем они нуждаются. Одним словом:

1. Организация общего объема производства страны Федерацией промышленных союзов и руководством работы рабочими советами, избираемых самими рабочими;
2. Организация социального вклада Федерацией Бирж труда.

В этом отношении, также, лучшие инструкции дает практический опыт. Он продемонстрировало, что многие проблемы социалистического переустройства общества не могут быть решены никаким правительством, даже тогда, когда имеется в виду знаменитая диктатура пролетариата. В России большевистская диктатура оставалась беспомощной в течение почти двух перед экономическими проблема-

ми и пыталась скрыть свою беспомощность за потоком декретов и постановлений, большинство из которых были сразу же похоронены в различных бюро. Если бы мир мог быть освобожден декретами, то в России давно не осталось бы никаких проблем. В его фанатичном рвении к власти большевизм жестоко разрушил самые ценные органы социалистического строя, подавляя кооперативы, подчиняя профсоюзы государственному контролю, и практически с самого начала лишая Советы их независимости. Таким образом, диктатура пролетариата проложила путь не к социалистическому обществу, а к самому примитивному типу бюрократического государственного капитализма и возвращения к политическому абсолютизму, который был давно отменен в большинстве стран буржуазными революциями. В своем послании к западноевропейским рабочим Кропоткин справедливо заметил: «Мы в России поняли, что коммунизм не может быть введен даже среди населения, натерпевшегося от старого режима и не противодействующего активно экспериментам новой власти».

Идея Советов (...) идея таких органов власти, контролирующих политическую и экономическую жизнь — величайшая идея. (...) Но до тех пор, пока страной правит диктатура партии, Советы рабочих и крестьянских депутатов не будут иметь значения. Они выполняют пассивную роль, какую в прежние времена играли Генеральные штаты и парламенты, созывавшиеся королем и противодействовавшие всевластию Государственного совета».

Борьба в Германии и Испании

В Германии, тем не менее, где умеренное крыло политического социализма пришло к власти, социализм, долгие годы поглощавшийся рутинной парламентских задач, настолько увяз во всем этом, что уже больше не был способен ни на какую творческую деятельность. Даже буржуазные газеты, такие как «Frankfurter Zeitung» считает необходимым подтвердить, что «в истории европейских народов еще не происходило революции, которая была бы настолько бедна в творческих идеях и настолько слаба в революционной энергии». Простой факт, что партия с большим количеством членов, нежели в любой другой рабочей партии в мире, которая была на протяжении многих лет сильнейшим политическим органом в Германии, вынуждена была покинуть [политическое] поле Гитлеру и его банде без малейшего сопротивления, говорит сам за себя и представляет собой пример беспомощности и слабости, который едва ли может быть неправильно понят.

Стоит только сравнить немецкую ситуацию тех дней с позицией анархо-синдикалистских профсоюзов в Испании, и особенно в Каталонии, где их влияние было самым сильным, чтобы понять всю разницу между рабочим движением этих двух стран. Когда в июле 1936 заговор фашистских армейских лидеров перерос в открытое восстание, благодаря героическому сопротивлению С.Н.Т. (Национальная конфедерация труда) и Ф.А.И. (Анархистская федерация Иберии) фашистское восстание в Каталонии было подавлено в течение нескольких дней, избавив эту важнейшую часть Испании от врага и разбив первоначальный план заговорщиков застать Барселону врасплох. Работники могли бы тогда не останавливаться на

полпути; так там последовала коллективизация земли и захват заводов синдигированными рабочими и крестьянами. Это движение, которое было высвобождено инициативой C.N.T. и F.A.I. с непреодолимой силой наводнило Арагон, Левант и другие части страны, и даже охватило наряду с этим значительную часть профсоюзов Социалистической партии из U.G.T. (Всеобщий союз трудящихся). Это событие продемонстрировало, что анархо-синдикалистские рабочие Испании не только знали, как бороться, но что они были переполнены конструктивными идеями, которые столь необходимы во время реального кризиса. Огромная заслуга именно либертарного социализма в Испании еще со времени Первого интернационала состоит в том, что рабочие были обучены в том духе, который прежде всего остального дорожит свободой и расценивает интеллектуальную независимость ее сторонников в качестве основы своего существования. А то, что испанские рабочие и крестьяне после более героической борьбы, длившейся более двух с половиной лет, проиграли, произошло по причине пассивного и безжизненного отношения организованных рабочих в других странах, которые смирились с политикой невмешательства их правительств^{2*}.

Политическая борьба: анархо-синдикалистский взгляд

Революционный юнионизм (революционный синдикализм – прим. А. Ф.) часто обвиняют в том, что его сторонники не интересуются политическим устройством отдельных стран и, следовательно, борьбой вокруг современных политических проблем. Эта мысль совершенно ошибочна и проистекает или из прямого невежества или из преднамеренного искажения фактов. Это не политическая борьба как таковая отличает анархо-синдикалистов от современных рабочих партий в принципах, и тактике, однако форма этой борьбы и цели, которые он она преследует. Революционные синдикалисты преследуют ту же тактику в борьбе против политического угнетения, что и против экономической эксплуатации. Но в то время как они убеждены, что наряду с системой эксплуатации ее политический защитный аппарат, государство, также исчезнет, чтобы уступить место управлению общественными делами на основе свободного соглашения, они вовсе не упускают из виду тот факт, что усилия организованного рабочего движения в рамках существующего политического и общественного строя должны всегда направляться против любого атак реакции, и постоянно расширяя сферу действия этих прав, где для этого представляется возможность. Героическая борьба C.N.T. в Испании против фашизма, пожалуй,

² Причина поражения испанских анархо-синдикалистов имела более сложный и комплексный характер. Среди прочих составляющих стоит отметить отход руководства C.N.T. от первоначальных принципов (так называемой «Сарагосской программы», принятой в мае 1936го года); нежелание лидеров, в том числе Буэнавентура Дуррути, заниматься либертарно-коммунистическим строительством до взятия важного стратегического города – Сарагосы, которую так и не удалось взять; неуверенность в собственных силах после многочисленных неудачных восстаний, часто жестоко подавлявшихся на протяжении тридцатых годов и т.д. Более подробно смотри раздел посвященный событиям гражданской войны в Испании в моей статье «Проблемы антиавторитарной альтернативы в XX веке» // Либертарная мысль №3, зима 2009/2010. С. 25-28. <http://aitrus.info/node/150> – прим. А. Ф.

лучшее доказательство того, что предполагаемая аполитичность революционного синдикализма всего лишь пустой разговор.

Но, по их мнению, объект атаки в политической борьбе лежит не в законодательных органах, но в людей.

Политические права не создаются в парламентах, скорее они привносятся в них извне. И даже их принятия в качестве закона уже в течение долгого времени не является гарантией их безопасности. Они существуют не потому что были по юридически записаны на листке бумаги, но потому что они стали внутренней привычкой людей, и когда любая попытка нарушить их встречается с жестким сопротивлением населения. Где дело обстоит не так, нет никакой помощи ни в какой парламентской оппозиции или платонические апелляции к конституции. Человека уважают тогда, когда он знает, как защитить свое человеческое достоинство. Это верно не только в частной жизни; это всегда было всегда точно также и в политической жизни.

Все политические права и свободы, которыми люди пользуются сегодня, не являются заслугой доброй воли правительств, но заслуга их собственной силы. Правительства всегда использовали все средства, чтобы не допустить реализации этих прав или сделать их иллюзорными. Великие массовые движения и целые революции были необходимыми для того, чтобы вырвать их из рук господствующих классов, которые никогда бы не согласились уступить их добровольно. Вся история последних трехсот лет тому доказательство. Важно не то, что правительства решили признать за людьми определенные права, но то, почему они были вынуждены сделать это. Конечно, если вы принимаете циничную фразу Ленина и думаете о свободе лишь как «буржуазном предрассудке», то, конечно, тогда для вас политические права не имеют никакой ценности для рабочих. Но тогда неисчислимая борьба прошлого, все восстания и революции, которым мы обязаны за эти права, также не представляет ценности. Чтобы изречь эту скромную мудрость, едва ли было необходимо свергать царизм, поскольку даже цензура Николая II, несомненно, не возражала против обозначения свободы как буржуазного предрассудка.

Если анархо-синдикализм отвергает все-таки участие всуществующих национальных парламентах, то не потому, что не испытывает никакой симпатии к политической борьбе в целом, но потому, что его сторонники считают, что этот вид деятельности является очень слабой и беспомощной формой политической борьбы для рабочих. Для имущих классов парламентская деятельность, безусловно, надлежащий инструмент для урегулирования разного рода возникающих конфликтов, потому что все они в равной степени заинтересованы в сохранении нынешнего экономического и социального порядка. Там, где есть общий интерес, взаимное соглашение возможно и пригодно всем партиям. Но для рабочих ситуация совсем иная. Для них существующий экономический порядок является источником их эксплуатации, и их социального и политического угнетения. Даже самое свободное голосование не может покончить с разительным контрастом между имущими и неимущими общественными классами. Это может только придать рабству трудящихся масс печать законности.

Является фактом, что, когда социалистические рабочие партии хотели добиться некоторых убедительных политических реформ, они не могли этого сделать парламентским путем, но были вынуждены полностью полагаться на экономическую

мощь борьбы рабочих. Всеобщие политические забастовки в Бельгии и Швеции для достижения всеобщего избирательного права являются тому доказательством. И в России именно внушительная всеобщая забастовка 1905го года была тем, что вынудила царя подписать новую конституцию. Признание этого побудило анархо-синдикалистов сосредоточить свою деятельность на социалистическом образовании масс и использовании их экономической и социальной силы. Их методом явилось прямое действие в экономической и политической борьбе нашего времени. По прямым действием они понимают любой способ непосредственной борьбы рабочих против экономического и политического угнетения. Среди них выделяется забастовка во всех ее проявлениях, от простой борьбы за заработную плату до всеобщей забастовки, организованный бойкот, и многие другие бесчисленные средства, которые рабочие как производители имеют в своих руках.

Одна из самых эффективных форм прямого действия - социальная забастовка, которая до настоящего времени главным образом использовалась в Испании, и частично во Франции, и которая показывает замечательную и растущую ответственность рабочих за все общество. Это менее касается непосредственных интересов производителей, чем защита населения от большинства пагубных продуктов существующей системы. Социальная забастовка стремится заставить работодателей ответственность перед общественностью. В первую очередь это подразумевает защиту потребителей, среди которых сами работники составляют подавляющее большинство. В нынешних условиях рабочие часто понижают качество, делая тысячи вещей, которые постоянно служат только для того, чтобы ранить все общество на пользу работодателей. Они вынуждены использовать худшие и часто действительно вредные материалы при изготовлении продукции, возводить жалкие жилища, поставлять испорченное продовольствие и совершить бесчисленные действия, которые планируются, чтобы обмануть потребителя. Энергичное вмешательство, по мнению революционных синдикалистов, великая задача рабочих синдикатов. Прогресс в этом направлении в то же время усилил бы позиции рабочих в обществе, и в значительной мере укрепил это положение.

Прямое действие организованных трудящихся находит свое самое сильное выражение во всеобщей забастовке, в прекращении работы во всех отраслях производства в тех случаях, когда все другие средства терпит неудачу. Это самое мощное оружие, которое рабочие имеют в своем распоряжении, и дает наиболее полное выражение их силам, как социальному фактору. Всеобщая забастовка, конечно, не является действием, которое может быть вызвано произвольно по любому случаю. Она нуждается в определенной социальной ответственности, чтобы придать ей надлежащую моральную силу и сделать ее провозглашение волей широких народных масс. Нелепое утверждение, которое так часто приписывается анархо-синдикалистам, что достаточно только объявить всеобщую забастовку, чтобы достичь социалистического общества всего за несколько дней, конечно, не более чем нелепое изобретение невежественных противников. Всеобщая забастовка может служить различным целям. Это может быть последним этапом забастовки солидарности, как, например, в Барселоне в 1902м году или в Бильбао в 1903м году, что позволило шахтерам избавиться от ненавистной системы тележек и заставить работодателей создать на шахтах приемлемые санитарно-гигиенические условия. Также она может быть средством

организованных трудящихся провести в жизнь некоторое общее требование, как, например, в ходе предпринятой попытки всеобщей забастовки в США в 1886м году за введение восьмичасового рабочего дня во всех отраслях промышленности. Внушительная всеобщая забастовка английских рабочих в 1926м году стала результатом планировавшейся попытки работодателей понизить общий уровень жизни рабочих сокращением заработной платы.

Но всеобщая забастовка может также иметь и политические цели в своих намерениях, как, например, борьба испанских рабочих в 1904м году за освобождение политических заключенных, или всеобщая забастовка в Каталонии, в июле 1909 года, чтобы заставить правительство прекратить свою преступную войну в Марокко. Также к этой категории принадлежит всеобщая забастовка германских рабочих в 1920м году, которая была объявлена после так называемого Капповского путча и покончила с правительством, которое получило власть военным восстанием. В подобных критических ситуациях всеобщей забастовки занимает место баррикад политических восстаний прошлого. Для рабочих всеобщая забастовка является логическим следствием современной индустриальной системы, жертвы которой они сегодня являются, и в то же самое время она предоставляет им самое мощное оружие в борьбе за их социальное освобождение, если они сознают свою собственную силу и учатся, как использовать это оружие должным образом.

Анархо-синдикализм после Первой мировой войны

После Первой мировой войны люди в Европе столкнулись лицом к лицу перед новой ситуацией. В Центральной Европе старый режим рухнул. Россия оказалась в центре социальной революции, конца которой никому не было видно. Российская революция произвела на рабочих каждой страны очень глубокое впечатление. Они чувствовали, что Европа была посреди революционного кризиса и что, если ничего решительного не выйдет из нее теперь, то их надежды будут рассеяны на многие годы. По этой причине они возлагали огромные надежды на российскую революцию и видели в ней начало новой эры в истории Европы. В 1919м году большевистская партия, захватившая власть в России, обратилась с призывом ко всем революционным рабочим организациям мира и пригласила их на съезд на следующий год в Москве, чтобы создать новый Интернационал. Коммунистические партии в это время существовали лишь только в нескольких странах; с другой стороны в Испании, Португалии, Франции, Италии, Голландии, Швеции, Германии, Англии и странах Северной и Южной Америки действовали синдикалистские организации, некоторые из которых имели очень сильное влияние. По этой причине Ленина и его последователей сильно беспокоила необходимость убедить эти особые организации в своих устремлениях. Так получилось, что на учредительном съезде Третьего Интернационала летом 1920го года были представлены практически все революционные союзы Европы.

Но впечатление, которое анархо-синдикалистов делегаты получили в России, не располагало к тому, чтобы заставить их расценить сотрудничество с коммунистами, ни как возможное, ни как желательное. Диктатура пролетариата уже показывала

себя в своем истинном свете. Тюремь были заполнены социалистами всех школ, среди которых было много анархистов и синдикалистов. Но прежде всего, было ясно, что новая доминирующая каста никоим образом не была приспособлена для решения задач подлинного социалистического строительства жизни. Основание Третьего интернационала с его диктаторским аппарата и его усилиями сделать рабочее движение в Европе инструментом внешней политики большевистского государства, быстро дало понять анархо-синдикалистам, что им не было места в Третьем интернационале. По этой причине съезде в Москве принял решение создать наряду с Третьим интернационалом отдельный международный союз революционных профсоюзов, в котором синдикалистские организации всех мастей могли бы найти себе место. Синдикалистские делегаты согласились с этим предложением, но когда коммунисты потребовали, чтобы эта новая организация была подчинена Третьему интернационалу, это требование революционными синдикалистами было единогласно отклонено.

В декабре 1920го года в Берлине была созвана международная анархо-синдикалистская конференция, целью которой было принять решение по отношению к приближающемуся съезду Красного интернационала профсоюзов, который был подготовлен в Москве на следующий год. Конференция согласовала семь пунктов, от принятия которых зависел теперь вход синдикалистов в данный орган. Важность этих семи пунктов заключала в себе полную независимость движения от всех политических партий, а также настаивала на точке зрения, что социалистическое переустройство общества может быть осуществлено только экономическими организациями самих производственных классов. На съезде в Москве на следующий год синдикалистские организации были в меньшинстве. Всероссийский центральный совет профсоюзов России доминировал над всей ситуацией и проводил все резолюции. В октябре 1921го года в Дюссельдорфе, Германия, прошла международная синдикалистская конференция, на которой было принято решение созвать международную конвенцию в Берлине в течение следующего года. Эта конвенция собралась с 25 декабря 1922го года до 2 января 1923го года. Были представлены следующие организации. Аргентина была представлена Аргентинской региональной рабочей федерацией (Federación Obrera Regional Argentina), с 200.000 членов; Чили Индустриальными рабочими мира (Industrial Workers of the World), с 20.000 членами; Дания Союзом синдикалистской пропаганды (Union for Unionist Propaganda), 600 членов; Германия Союзом свободных рабочих (Freie Arbeiter Union Deutschlands), со 120.000 членов, Голландия Национальным секретариатом труда (National Arbeids Sekretariat), с 22.500 членов; Италия Итальянским синдикальным союзом (Unione Sindicale Italiana), с 500.000 членов, Мексика Всеобщей конфедерацией трудящихся (Confederacion General de Trabajadores) (30.000 членов – прим. А. Ф.); Норвегия Норвежской синдикалистской федерацией (Norsk Syndikalistik Federasjon), с 20.000 членов; Португалия Всеобщей конфедерацией труда (Confederacao Geral do Trabalho), со 150.000 членов; Швеция Центральной организацией рабочих Швеции (Sveriges Arbetares Centralorganisation), с 32.000 членов. Испанская С.Н.Т. в это время была поглощена жесткой борьбой против диктатуры Primo de Rivera и не послала

делегатов³, но они вновь подтвердили свою приверженность на тайном конгрессе в Сарагосе в октябре 1923го года. Во Франции, где после войны раскол в С.Г.Т. привел к созданию С.Г.Т.У., последний уже присоединился к Москве. Но также было меньшинство в организации, которая объединилась, образовав Комитет синдикалистской защиты, представлявший около 100.000 рабочих, которые приняли участие в работе Берлинского конгресса. Также из Парижа были представлены Федерация строителей с 32.000 членов и Федерация синдикалистской молодежи Сены. Два делегата представляли синдикалистское меньшинство российских рабочих. Конгресс вынес единогласное решение о создании международного альянса всех синдикалистских организаций под названием *Международная ассоциация трудящихся*⁴. Была принята декларация принципов, которые открыто признавали анархо-синдикализм. Второй пункт этой декларации гласит:

«Анархо-синдикализм – убежденный противник всех форм экономической и социальной монополии, и стремится к созданию свободных общин и управлению сельскохозяйственными и фабричными рабочими на основе системы свободных трудовых советов, полностью независимых от любых правительств и партий. Политике государства и партии он противопоставляет экономическую организацию труда; правлению над людьми – управлению вещами. По этой причине он стремится не к завоеванию политической власти, а к исключению любых государственных функций из жизни общества. Он полагает, что наряду с монополией на собственность, должна исчезнуть также и монополия господства, и что любая форма государства, включая диктатуру пролетариата, всегда может быть лишь творцом новых монополий и привилегий, и никогда инструментом освобождения».

Тем самым был завершен разрыв с большевизмом и его приверженцами в различных странах. С тех пор I.W.A. выбрала свой собственный путь, проводит свои собственные международные конгрессы, выпускает бюллетени и координирует связь между революционными синдикалистами различных стран.

Наиболее мощной и влиятельной организацией в I.W.A. была испанская С.Н.Т., вдохновитель всей тяжелой борьбы трудящихся Испании, а затем сопротивления против фашизма и социального переустройства страны. До победы Франко в С.Н.Т. состояло примерно два миллиона промышленных рабочих, крестьян и работников умственного труда. Она контролировала издание тридцати шести ежедневных газет,

³ На самом деле делегаты посланы были, однако не смогли прибыть на конгресс, так как были задержаны полицией. – прим. А. Ф.

⁴ Первоначально название звучало (на английском) как International Workingmen's Association, что сокращенно звучало как I.W.M.A. Данное название точно повторяло название Первого интернационала и должно было означать преемственность его либертарному (антиавторитарному, анархистскому) крылу. Позже название было немного видоизменено, и в английском варианте стало звучать как International Workers' Association, или I.W.A. В традиционном русскоязычном переводе – Международное товарищество рабочих (М.Т.Р.), а применительно к анархо-синдикалистскому интернационалу устоявшийся перевод – Международная ассоциация трудящихся (М.А.Т.) (так же широко известен испаноязычный вариант названия, в связи с традиционным наибольшим распространением анархо-синдикализма именно в романских странах Asociación Internacional de los Trabajadores (A.I.T.); кроме того стоит отметить, что в I.W.A. традиционно приняты два языка, считающиеся основными, и на которых (на ряду с языком секции, если он отличается) должны издаваться все официальные заявления и решения – это английский и испанский), что и используется в данном в переводе наряду с англоязычным сокращением I.W.A.

среди которых «Solidaridad Obrera» в Барселоне, с тиражом в 240.000, самая крупная газета в Испании, и «Castilla Libre», бывшая наиболее широко читаемой газетой в Мадриде. С.Н.Т. издала миллионы книг и брошюр, и больше других способствовала образованию масс, чем любое другое движение в Испании.

В Португалии самой сильной организацией трудящихся была основанная в 1911м году Всеобщая конфедерация труда (Confederaçao Geral do Trabalho), основанная на тех же принципах, что и С.Н.Т. в Испании. После победы диктатуры С.Г.Т. была вырвана из общественной деятельности и могла вести только подпольное существование.

В Италии, под влиянием идей французского синдикализм, анархо-синдикалистское крыло Всеобщую конфедерацию труда (Confederazione del Lavoro) покинуло данную организацию по причине ее подчинения Социалистической партии и создало-Итальянский синдикальный союз (Unione Sindacale Italiana). Эта группа была вдохновителем длинного списка суровой борьбы трудящихся и сыграла выдающуюся роль в так называемом случае, получившем название Красной недели в июне 1914го года, и затем в занятии фабрик в Милане и других городах Северной Италии. С утверждением фашизма вместе с U.S.I. исчезло все итальянское рабочее движение.

Во Франции анархо-синдикалисты оставили С.Г.Т.У. в 1922 году, после чего организация полностью подпала под влиянием большевиков, и сформировали Всеобщую конфедерацию труда революционных синдикалистов (Confederation Generale du Travail Syndicaliste Revolutionaire), которая присоединилась к I.W.A.

В Германии в течение длительного времени до первой мировой войны существовали так называемые локалисты, оплотом которых было Свободное объединение немецких профсоюзов (Freie Vereinigung deutscher Gewerkschaften), основанное в 1897 году. Эта организация первоначально находилась под влиянием социал-демократических идей, но боролась с тенденциями к централизации немецкого профсоюзного движения. Возрождение французского синдикализм оказало большое влияние на F.V.D.G. и привело к принятию ей чистых анархо-синдикалистских принципов. На своем конгрессе в Дюссельдорфе, 1920й, организация изменила свое название на Союз свободных рабочих Германии (Freie Arbeiter Union Deutschlands). Это движение проводила большую работу благодаря неустанной работе ее активного издательства в Берлине, в котором печаталось большое количество ценных работ. После прихода к власти Гитлера движение F.A.U.D. исчез со сцены. Очень многие его сторонники томились в концентрационных лагерях или вынуждены были искать убежище за границей. В Швеции до сих пор существует очень активное синдикалистское движение, Центральная организация рабочих Швеции (Sveriges Arbetares Centralorganisation), единственная синдикалистская организация в Европе, которая бежала фашистской реакции и немецкого вторжения во время войны. Шведские анархо-синдикалисты участвовали во всех значительных трудовой конфликтах в своей стране и на протяжении многих лет продолжают работу социалистического и либертарного образования.

В Голландии революционное профсоюзное движение сосредоточено в Национальном секретариате труда (Nationale Arbeids Secretariat); но когда эта организация подпала под устойчиво возрастающее коммунистическое влияния, почти половина его участников откололась и формировала Нидерландское синдикалистское проф-

объединение (Nederlandisok Syndikalistisch Vakverbond), которой присоединилось к I.W.A.

Кроме этих организаций были еще анархо-синдикалистские пропагандистских групп в Норвегии, Польше и Болгарии, которые были связаны с I.W.A. Японский Всеобщий рабочий союз (Jiyu Rengo Dantai Zenkoku Kaigi) также присоединился к I.W.A.

В Аргентине Аргентинская региональная рабочая федерация (Federacion Obrera Regional Argentina), основанная в 1891м году, в течение многих лет была самым большим центром борьбы трудящихся в стране. Ее история одна из самых бурных глав в истории рабочего движения. Движение издавало ежедневный печатный орган, «La Protesta», на протяжении более двадцати пяти лет и множество еженедельных газет по всей стране. После государственного переворота генерала Урибуру F.O.R.A. была запрещена, но продолжала деятельность в подполье, как делала [позднее] и при Пероне. В мае 1929го года F.O.R.A. созвала конгресс всех южноамериканских, чтобы встретиться в Буэнос-Айресе. На данном конгрессе, помимо Аргентинской F.O.R.A. были представлены: Парагвай был представлен Парагвайским региональным рабочим центром (Centro Obrero del Paraguay); Боливия – Местной федерацией рабочих Ла-Паса, «Факелом» и «Светом и свободой» (Federacion Local de la Paz, La Antorcha и Luz y Libertad); Мексика – Всеобщей конфедерацией трудящихся (Confederacion General de Trabajo); Гватемала – Комитетом за профсоюзное действие (Comite pro Accion Sindical); Уругвай – Уругвайской региональной рабочей федерацией (Federacion Regional Uruguaya). Бразилия была представлена профсоюзами семи конституционных штатов. Коста-Рика была представлена организацией «К свободе» (Hacia la Libertad)⁵*. На этом конгрессе была создана Американская континентальная ассоциация трудящихся (Continental American Workingmen's Association), составившая американское подразделение I.W.A. Штаб-квартирой данной организации первоначально был назначен Буэнос-Айрес, однако позже, из-за диктатуры, была перенесена в Уругвай.

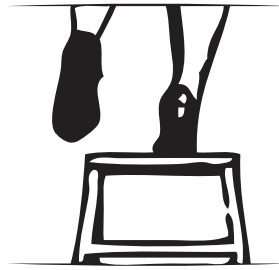
Это были те силы, которые анархо-синдикализм имел в своем распоряжении в различных странах до воцарения фашизма и начала второй мировой войны.

Более подробно о различиях между революционным и анархистским синдикализмом см.: Дамье В. В. Забытый интернационал: Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Том 1: От революционного синдикализма к анархо-синдикализму: 1918-1930. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 36-47 – прим. А. Ф.

В тексте Рудольфа Роккера дается первоначальный вариант названия, но для удобства в данном переводе используется современный вариант названия. – прим. А. Ф.

⁵ Кроме вышеперечисленных на конгрессе были представители из Чили (местная секция I.W.W.) и Перу (Рабочая федерация). – прим. А. Ф.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Рудольф Роккер
Анархизм и анархо-синдикализм
1973

Скопировано 23 декабря 2014 года с <http://aitrus.info/node/1561>
(Anarchism and Anarcho-Syndicalism. – London: Freedom, 1973) Перевод с
английского: Андрей Фёдоров, Аликс Винера

ru.anarchistlibraries.net